

у разума, допустимо ли от него уйти, и в какую сторону нужно для этого направиться. Однако все те, которые когда-либо возражали Шестову и указывали на безнадежность его поисков, на обреченность его усилий, в различных формах варьировали тот же аргумент, представляющийся действительно неотразимым. Сам же Шестов цитирует Авраама, который, поверив Богу, пошел, сам не зная куда, и пришел в обетованную землю; там, где он был, и потому, что он был с Богом, там-то и находилась обетованная земля. Но тогда я спрашиваю себя: то, что хочет Шестов, то третье измерение мышления, которое он стремится пробудить, так сказать, в нас, и, прежде всего, конечно, в себе самом, не сводится ли оно, по существу, к тому, чтобы одними человеческими усилиями вернуться к познанию до грехопадения, то есть не сводится ли оно к победе над грехом силою человеческого мышления, что религиозно недопустимо? А затем, верит ли сам Шестов? Если я не верю, сказал он как-то мне, то знаю, что именно худшее во мне не верит.

Думаю, что если бы Шестов увидел заранее, что его ждет, какие непреодолимые на человеческий взгляд препятствия он встретит на своем пути, на какое страшное одиночество он будет осужден, хотя и окруженный друзьями и даже поклонниками, он испугался бы, отступил и успокоился бы на каком-нибудь компромиссе. Но он не знал, он преодолевал один этап за другим, увлекая читателя блеском литературного изложения, смелостью мысли, оригинальностью парадоксов (ибо для большинства это были парадоксы), и никто не подозревал мучительной борьбы, которую он переживал, борясь с человеческим, слишком человеческим в себе самом.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Памяти Льва Шестова

Умер один из самых замечательных, самых оригинальных русских мыслителей XX века и один из лучших людей, каких мне пришлось встречать в жизни. Для меня лично ушел близкий друг всей моей жизни, может быть — единственный.

Здесь не место давать философскую оценку Л. Шестова. Скажу только, что он всю жизнь искал Бога и, вероятно, был ближе к Богу, чем многие, считающие эту близость своей привилегией. Тема всей его жизни, которой он всегда оставался верен, была чисто религиозная. Мысль его была очень напряженной и взволнованной. Его интересовала не отвлеченная мысль и отвлеченное познание, а страдальческая судьба

человека, спасение человека от власти необходимости, порождающей все ужасы жизни.

Это был человек необыкновенной доброты, отзывчивости и заботливости. Он очень страдал от злобы, охватившей мир. Ужасы, которые совершаются в Германии по отношению к народу, к которому он принадлежал по крови, вероятно, ускорили его смерть, чуткое сердце с трудом это могло вынести. Он был еврей по крови, но я не встречал среди русских такой любви к русской литературе и такого ее понимания. Он был глубоко связан с русской духовной культурой. Он был прекрасный русский писатель. Он говорил и писал на совершенном русском языке. Книги его переведены на многие иностранные языки и очень ценятся интеллектуальной элитой Европы. Но он всегда жаловался, что его плохо понимают. Это был духовно очень значительный человек, человек глубокой темы. Такие люди редко бывают. Он еще ждет своей оценки.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Основная идея философии Льва Шестова

Уже несколько раз на страницах «Пути» я писал о Льве Шестове. Но сейчас есть потребность по-иному сказать о нем и почтить его память. Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. Он был однодум. И поразительна была его независимость от окружающих течений времени. Он искал Бога, искал освобождения человека от власти необходимости. И это было его личной проблемой. Философия его принадлежала к типу философии экзистенциальной, т. е. не объективировала процесс познания, не отрывала его от субъекта познания, связывала его с целостной судьбой человека. Экзистенциальная философия означает память об экзистенциальности философствующего субъекта, который вкладывает в свою философию экзистенциальный опыт. Этот тип философии предполагает, что тайна бытия постижима лишь в человеческом существовании. Для Льва Шестова человеческая трагедия, ужасы и страдания человеческой жизни, переживание безнадежности были источником философии. Не нужно преувеличивать новизны того, что сейчас называют экзистенциальной философией, благодаря некоторым течениям современной немецкой философии. Этот элемент был у всех подлинных и значительных философов. Спиноза философствовал геометрическим методом, и его философия может произво-